Во стольном-то городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Ёго было пированье, был почестен пир.
Да и было на пиру у его две вдовы:
Да одна была Офимья Чусова жена,
А друга была Авдотья Блудова жена.
Еще в ту пору Авдотья Блудова жена
Наливала чару зелена вина,
Подносила Офимьи Чусовой жены,
А сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жена!
Ты прими у мня чару зелена вина
Да выпей чарочку всю досуха.
У меня есть Хотенушко сын Блудович,
У тебя есть Чейна прекрасная.
Ты дашь ли, не дашь, или откажешь-то?»
Еще в ту пору Офимья Чусова жена
Приняла у ей чару зелена вина,
Сама вылила ей да на белы груди,
Облила у ей портище во пятьсот рублей,
А сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Авдотья Блудова жена!
А муж-то был да у тя Блудище,
Да и сын-от родился уродище,
Он уродище, куря подслепое:
На коей день гренёт, дак зерна найдет,
А на тот-де день да куря сыт живет;
На коей день не гренет, зерна не найдет,
А на тот-де день да куря голодно».
Еще в ту пору Авдотье за беду стало,
За велику досаду показалось.
Пошла Авдотья со честна пиру,

Со честна пиру да княженецкого,
И повеся идет да буйну голову,
Потопя идет да очи ясные
И во мамушку и во сыру землю.
А настрету ей Хотенушко сын Блудович,
Он и сам говорит да таково слово:
«Уж ты мать, моя мать и государыня!
Ты что идешь со честна пиру не весела,
Со честна пиру да княженецкого?
Ты повеся идешь да буйну голову,
Потопя идешь да очи ясные
И во матушку да во сыру землю?
Али место тебе было от князя не по вотчины?
Али стольники до тебя не ласковы,
Али чашники да не приятливы?
Али пивным стаканом тя обносили,
Али чары с зеленым вином да не в доход дошли?
Али пьяница да надсмеялася,
И безумница ле навалилася,
Ле невежа нашла да небылым словом?»
Говорит ему Авдотья Блудова жена:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Мне-ка место от князя всё было по вотчины;
Меня пивным стаканом не обносили,
И чары с зеленым вином да всё в доход дошли;
И не пьяница и не надсмеялася,
Ни безумница не навалилася,
Ни невежа не нашла и небылым словом.
Нас было на пиру да только две вдовы:
Я одна была Авдотья Блудова жена,
А друга была Офимья Чусова жена.
Наливала я чару зелена вина,

Подносила Офимьи Чусовой жены;
Я сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жена!
Ты прими у меня чару зелена вина,
Да ты выпей чарочку всю досуха.
У меня есть Хотенушко сын Блудович,
У тебя есть Чейна прекрасная.
Ты уж дашь, ле не дашь, или откажешь-то?»
Еще в та поре Офимья Чусова жена
Приняла у меня чару зелена вина,
Сама вылила мне да на белы груди,
А облила у меня портище во пятьсот рублей;
Да сама говорила таково слово:
„Уж ты ой еси, Авдотья Блудова жена!
Да муж-от был да у тя Блудище,
Да и сын-от родилося уродище,
Уродище, куря подслепое.
На коей день гренёт, дак зерна найдет,
А на тот-де день да куря сыт живет,
На коей день не гренёт, зерна не найдет,
А на тот-де день да куря голодно"».
Еще в ту пору Хотенушко сын Блудович,
Воротя-де он своя добра коня,
Он поехал по стольному по городу.
Он доехал до терема Чусовьина.
Он ткнул копьем да в широки ворота,
На копы вынес ворота среди двора, -
Тут столбики да помитусились,
Часты мелки перила приосыпались.
Тут выглядывала Чейна прекрасная
И выглядывала да за окошечко,
А сама говорила таково слово:

«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Отец-от был да у тя Блудище,
Да и ты родился уродище,
Ты уродище, куря подслепоё:
Ты уж ездешь по стольному-ту городу,
Ты уж ездешь по городу, уродуешь,
Ты уродуешь дома-ти вдовиные;
На коей день гренёшь, дак зерна найдешь,
Ты на тот-де день да, куря, сыт живешь;
На коей день не гренёшь, зерна не найдешь,
А на тот де день, да, куря, голодно».
Он и шиб как палицей в высок терем, -
Он и сшиб терем да по окошкам здолой,
два чуть она за лавку увалилася.
Еще в та поре Офимья Чусова жена,
Идет Офимья со честна пиру,
Со честна пиру да княженецкого,
А сама говорит да таково слово:
«Кажись, не было ни бури, ни падёры,
Мой домишко всё да развоёвано».
Как стречат ей Чейна прекрасная,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты мать, моя мать и восударыня!
Наезжало этга Хотенушко сын Блудович;
Он ткнул копьем да в широки ворота,
На копы вынес ворота среди двора, -
Тут столбики да помитусились,
Часты мелки перила да приосыпались.
Я выглядывала да за окошечко
И сама говорила да таково слово:
„Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Отец-от был да у тя Блудище,

И ты родилось уродище,
Ты уродище, куря подслепое:
Ты уж уж еддишь по стольному-ту городу,
Ты уж еддишь по городу, уродуешь,
Ты уродуешь дома-ти вдовиные".
Он и шиб как палицей в высок терем, -
Он сшиб терем да по окошкам здолой,
Едва чуть я за лавку увалилося».
Еще тут Офимья за беду стало,
За велику досаду показалося.
Ушла Офимья ко князю ко Владимиру,
Сама говорила таково слово:
«Государь князь Владимир стольнокиевский!
Уж ты дай мне суправы на Хотенушка,
На Хотенушка да сына Блудова».
Говорит князь Владимир стольнокиевский:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова Жена!
Ты, хошь, и тысячу бери, да хошь, и две бери:
А сверж-де того да сколько надобно.
Отшибите у Хотенка буйну голову:
По Хотенки отыску не будет же».
Еще в ту пору Офимья Чусова жена
Пошла-понесла силы три тысячи,
Посылать трех сынов да воеводами.
Поезжают дети, сами плачут-то,
Они сами говорят да таково слово:
«Уж ты мать, наша мать и восударыня!
Не побить нам Хотенка на чистом поли
Потерять нам свои да буйны головы.
Ведь когда был обсажен да стольный Киев-град
И той неволею великою,
И злыми погаными татарами, -

Он повыкупил да и повыручил Из той из неволи из великое,
Из злых из поганых из татаровей».

Пошла тут сила-та Чусовина,

Пошла тут сила на чисто полё;

Поехали дети, сами плачут-то.

Еще в та поре Хотенушко сын Блудович,

Он завидел силу на чистом поли,

Он поехал к силе сам и спрашивает:

«Уж вы ой еси, сила вся Чусовина!

Вы охвоча сила, ли невольная?»

Отвечат тут сила вся Чусовина:

«Мы охвоча сила вся наемная».

Он и учал тут по силе как поезживать:

Он куда приворотит, улицей валит;

Назад отмахнет, так целой площадью.

Он прибил тут всю силу до едного,

Он и трех-то братьей тех живьем схватал,

Живьем схватал да волосами связал,

Волосами-то связал да через конь сметал,

Через конь сметал и ко шатру привез.

Ждала Офимья силу из чиста поля,

Не могла она силы дождаться.

Пошла наняла опять силы три тысячи,

Посылат трех сынов да воеводами.

Поезжают дети, сами плачут-то:

«Уж ты мать, наша мать и восударыня!

Не побить нам Хотенка на чистом поли,

Потерять нам свои да буйны головы».

Говорит тут Офимья Чусова жена:

«Уж вы дети, мои дети всё роженные!

Я бы лучше вас родила девять камней,

Снесла камень во быстру реку, -

То бы мелким судам да ходу не было,
Больши суда да всё разбивало»,
Поехали дети на чисто поле.
Завидел Хотенушко сын Блудович,
Поехал к силе он к Чусовиной,
Он у силы-то да и сам спрашивает:
«Вы охвоча сила, ли невольная?»
Отвечат тут сила всё Чусовина:
«Мы охвоча сила всё наемная».
Он и учал тут по силе-то поезживать:
Он куда приворотит, улицей валит,
А назад отмахнет, дак целой площадью,
Он прибил тут всю силу до едного;
Он трех-то братьей тех живьем схватал,
Живьем-то схватал да волосами связал,
Волосами-то связал и через конь сметал,
Через конь сметал и ко шатру привез.
Ждала Офимья силу из чиста поля,
Не могла опять силы дождаться.
Опеть пошла наняла силы три тысячи,
Посылат трех сынов да воеводами.
Поезжают дети, сами плачут-то:
«Уж ты мать, наша мать и восударыня!
Не побить нам Хотенка и на чистом поли,
Потерять нам свои да буйны головы.
Ведь когда был обсажен да стольный Киев-град
И той неволею великою,
И злыми погаными татарами, -
Он повыкупил да и повыручил
Из той из неволи из великое,
Из злых из поганых из татаровей». -
«Уж вы дети, мои дети роженные!

Я бы лучше вас родила девять каменей,
Снесла камень во быстру реку, -
То бы мелким судам да ходу не было,
Больша-ти суда да всё разбивало».

Пошла тут сила всё Чусовина,
Поехали дети, сами плачут-то.
Еще в та поре Хотенушко сын Блудович
Завидел силу на чистом поли,
Он приехал к силе-то к Чусовиной,
Он у силы-то да и сам спрашивает:
«Вы охвоча сила или невольная?»
Говорит тут сила всё Чусовина:
«Мы охвоча сила всё наемная».

Он и учал тут по силе-то поезживать:
Он куда приворотит, улицей валит,
Назад отмахнет, дак целой площадью.
Он прибил тут всю силу до единого,
Он и трех-то братьей тех живьем схватал,
Живьем схватал да волосами связал,
Волосами-та связал да через конь сметал,
Через конь сметал да ко шатру привез.

Ждала Офимья силу из чиста поля,
Не могла она силы дождаться.
Пошла она к Хотенку сыну Блудову,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Ты возьми мою Чейну прекрасную,
Ты отдай мне девять сынов на выкуп всех».

Говорит тут Хотенушко сын Блудович:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жена!
Мне не нать твоя Чейна прекрасная.
Ты обсыпь мое остро копье,

Ты обсыпь возьми да златом-серебром –
Долможано его ратовище семи сажен
От насадочек до присадочек,
Ты обсыпь возьми да златом-серебром,
Златом-серебром да скатным жемчугом.
Я отдам те девять сынов на выкуп всех».

Еще в та поре Офимья Чусова жена
Покатила чисто серебро телегами,
Красно золото да то ордынскою,
Обсыпала она у ёго востро копье,
Обсыпала она да златом-серебром,
Златом-серебром да скатным жемчугом, -
Не хватило у ей да одной четверти.
Говорит тут Офимья Чусова жена:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Ты возьми мою Чейну прекрасную,
Ты отдай мне девять сынов на выкуп всех».

Говорит тут Хотенушко сын Блудович:
«Мне не нать твоя Чейна прекрасная,
Уж ты всё обсыпь да златом серебром,
Златом-серебром да скатным жемчугом,
Я отдам те девять сынов на выкуп всех».

Говорит князь Владимир стольнокиевский:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Ты возьми у ей Чейну прекрасную».

Говорит тут Хотенушко сын Блудович:
«Я возьму у ей Чейну прекрасную,
Я возьму ею не за себя замуж,
Я за своего да слугу верного
А за того же за Мишку всё за паробка».

Говорит князь Владимир стольнокиевский:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!

Ты возьми ею да за себя замуж:
Еще, право, она да не худых родов,
Она ведь уж да роду царского».
Тут и взял Хотенко за себя взамуж,
Ей отдал девять сынов на выкуп всех.
Затем-то Хотенушку славы поют,
Славы поют да старину скажут.